

*Особая благодарность за консультации
и конструктивную критику
Владимиру Пастухову*

Пролог

**Суббота 27 сентября 1975 года, ночь
Первомайск, улица Дзержинского**

С мглистого неба, всклокоченного неряшливыми тучами, накрапывал дождь. Шкодли- вый ветер сквозил по улицам, выхватывая зонтики и швыряясь мокрым опадом. Самая подходя- щая погода для убийства.

— Направи нас, Господи, и помилуй... — Угрюмый темнолицый водитель с розовым шрамом на щеке нахохлился, отрешенно перебирая чётки.

Его глубоко запавшие глаза цвета пасмурной выси созерцали божий мир, словно выглядывая из бойниц, — настороженно рыскали вдоль и поперек дворика, ша- рили по наружным лестницам с точеными балясинами, обыскивали галереи, где на веревках никло бельё.

— ...и жизнь вечную даруй на-ам! — зевая, догово- рил чернявый мужичок, ёрзавший на переднем си- денье.

Темнолицый сжал зубы и затеребил чётки живее, погружаясь в бездумное ожидание.

Однозвучно скрипят дворники, обмахивая ветро- вое стекло... Ровно урчит движок, иногда сбиваясь, словно мучимый тахикардией... Багряный кленовый лист с маху налипает на бледно-голубой капот «Жи- гулей»...

Внезапно сучковатые пальцы, размеренно оглаживавшие бусины, замерли — в приоткрытое окошко накатил дробный лестничный гул, выбитый резвыми ногами.

Рослый светловолосый крепыш в джинсовом костюме ссыпался по ступенькам и юркнул в зеленый пикап — с дизайнерской решетки радиатора блеснула синим «ижевская» эмблема.

— Он вроде? — ждуще встрепенулся чернявый, хватаясь за «смит-вессон».

— Он, — буркнул водитель и резко осадил суетливого напарника: — Не здесь!

— А где?

— Где надо!

Темнолицый, пальцем оглаживая шрам, неотрывно следил за джинсовым молодчиком. Вскоре «Иж» газанул и мягко тронулся — было видно, как с темных узорчатых шин спадают налипшие корочки грязи.

— За ним! — хищно ощерился чернявый. Барабан револьвера вкрадчиво щелкнул, откидываясь на ладонь. — Быстрее, а то упустим!

Водитель «Жигулей» молча вырулил под арку, бодая бампером сырые потемки, и увязался за зеленой машиной.

— Когда крикну: «Давай!», поравняешься с ним, окно в окно, — быстро проговорил стрелок, запихивая в каморы тупоносые патроны. — Сразу после акции — гари!

Человек за рулем сумрачно кивнул, перекосив лицо.

Туманившиеся моросью улицы держали его в напряжении, и только «Глухой мост» дал отдых нервам — за пролетами из грубого бетона теснились разлапистые опоры, обвисшими проводами затягивая

небесную хмарь, извивались шипящие трубы, тяжело приседали железнодорожные мосты. Промзона.

Пикап, бодро катившийся впереди, вырисовывался четко, как в оптическом прицеле.

— Давай!

Блёкло-голубой «жигуль», дисциплинированно мигая поворотниками, пошел на обгон.

— Ну же, ну... — Чернявый кусал губы от греховного нетерпения.

Егозливо закрутив ручку, он опустил стекло, испанное косыми росчерками дождя, — в салон дуло свежестью, занесло, закружило бисеринки небесной влаги.

Шершавая ладонь согрела рубчатую рукоятку «магнума», большой палец привычно взвел курок. Пора!

Курносый профиль за боковым окном пикапа стыл в последнем замешательстве. Грохнул выстрел.

Пуля сорок четвертого калибра вынесла стекло и погасила юный облик...

Я вскинулся на постели, часто дыша. Сердце мячиком прыгало в груди. Дрожащие пальцы отерли потный лоб.

«Ох... Кошмар какой-то... — Мой рот перетянуло жалкой растерянной усмешкой. — Ага... И не надейся! Ничего тебе не приснилось!»

Я шумно выдохнул. Не сон это был, не сон... Сновидение всегда расплывчато и смутно, а тут... Как будто взаправду развалился на заднем сиденье тех самых «Жигулей» и смотришь кино с собой в главной роли. Блондинистый крепыш — это же я!

Мысли мельтешили, запутывая сознание. Вангую?..

Валерий Большаков

— Чтоб ты еще придумал... — Натянуто, с дозвоном в голосе, заворчал, сползая на ковер. — Двадцать раз отжаться! На пальцах! И планочку...

Вдоволь утомив плоть, я смирил разгулявшийся дух и босиком прошлепал к окну. Город спал, погруженный в синюю тьму. По мокрому асфальту расходились круги света уличных фонарей, тусклого и маслянистого. Облачная муть застила звезды, а вот с солнцем этот номер не проходил — небо за Южным Бугом начинало сереть, обещая дивную зарю.

Сонно моргая, я смотрел на восток. Оттуда, просыпая секунды, роняя минуты, накатывал новый день, наступало будущее. Не удержавшись на мелкой волне пафоса, я длинно зевнул. Часа два до подъёма у меня точно есть...

Глава 1

Воскресенье 28 сентября 1975 года,
позднее утро
Первомайск, улица Революции

Клац-клац, щелк-щелк! Дррр... Черные клавиши «Ундервуда» мягко проваливаются под моими пальцами. Чутко дергаются катушки, перематывая красящую ленту. Серебристые рычажки бойко хлещут по бумаге, вкочлачивая текст.

«Аркадий Шевченко, посол и зам Генсека ООН, с текущего года — агент ЦРУ «Динамит». Особо опасен для СССР! Держит американцев в курсе обо всем, что ему известно о происходящем в Кремле. Осведомляет о советской позиции на переговорах по разоружению. Передает экономическую информацию по нефтедобыче в Союзе...»

Клац-клац, щелк-щелк!

Ноют подушечки пальцев, дрожь перехватывает нутро, но кривоватая усмешечка то и дело дергает мои губы. Сегодня у меня торжественный момент — я выдал КГБ всех предателей, «кротов» и шпионов, даже Адольфа Толкачева заложил, будущего агента «Сферу»¹.

¹ С 1979 года передавал на Запад сверхсекретные разработки в области авионики и стелс-технологии, данные о РЛС ПВО, о работе системы «свой — чужой» и пр. По словам Олдрича Эймса, агента КГБ в Лэнгли, «начнись мировая война, в воздухе НАТО имела бы неоспоримое преимущество».

Вычистил до блеска, до стерильного сияния зловонную выгребную яму. Осталось пару пятнышек подтереть...

«Альгирдаса и Пранаса Бразинскасов¹ турки освободили по амнистии в прошлом году, сейчас оба ублюдка находятся в Стамбуле. Летом 1976-го их доставят из Анкары в Каракас, а к началу сентября спецслужбы Венесуэлы переправят парочку в Нью-Йорк. Бразинскасы разживутся новыми документами, став семейкой Уайтов, после чего поселятся в Санта-Монике, Калифорния...»

Клац-клац, шелк-шелк! Дррр... Дррр...

Бумага скручивается с барабана, ложится в скудную стопку распечаток, крапчатых от букв и цифр. Осторожно заправляю новый лист — чистый, пустой, немой.

«Верный троцкист Хрущев виновен в бесконтрольной натурализации «возвращенцев» из ОУН-УПА, в смычке националистов с партгосаппаратом. Бандеровцы засели в обкомах и министерствах УССР, совершенно безнаказанно ведя подрывную деятельность, разваливая Советский Союз изнутри. Если националистский беспредел не пресечь, на Украине сбросят красные знамена и поднимут желто-голубые...»

Клац-клац, шелк-шелк! Дррр... Дзынь!

Вздрагивающая каретка докатывается до края, злобно звеня: «Раз-зьява!» Да ладно, подумаешь — вышел за поля... Кончил же!

Всё теперь. Ближайшая операция запланирована аж на декабрь, а пока можно и наукой заняться, личную жизнь устроить.

¹ Сын и отец, совершившие в 1970 году первый успешный угон советского самолета. Захватив «Ан-24», они взяли в заложники 44 пассажира, ранили пилотов и убили молодую стюардессу Надю Курченко.

Я нервно потер пальцы — и замер, холодея. Показалось мне или и вправду брякнули в дверь? Не дыша, не шевелясь, я напрягал слух, чуя, как вспугнутое сердце заходится в биении.

Послышалось, наверное... Или дворовые футболисты мяч пасанули.

«Засвечен гараж, постоянно сюда таскаюсь! — мелькает в голове. — Дождусь, что чекистов на хвосте приведу, буде «мышка-наружка» вцепится... А оно мне надо?»

Хорохорясь, выжимаю вслух:

— Ага, а еще я школу засветил, пропадаю там по шесть дней в неделю! — Горло пробрало хрипотцой. — Из дома по ночам не вылезая...

В дверь заколотили. Я взвился с табуретки и ломким шагом, на цыпочках, просеменил к выходу. Бухавший пульс звенел в голове, пустой, как выеденная банка шпрот.

«Что делать?! Не открывать?! — восклицаю про себя. — И сколько тогда высидивать? До ночи? Или до утра? Ага... А потом выйти — и нарваться на пост наблюдения! Спокойней, спокойней, не дрожи... Гараж не обыскивали — все контрольки на месте...»

Чуть было не ляпнув: «Кто там?», я обреченно сдвинул грюкнувший засов, чувствуя на запястьях холодную цепкость наручников.

У ворот гаража топтались двое мужчин пролетарского обличья, оба в изгвазданных спецовках. Тот, что повыше, с румяным лицом Емели-дурачка, тщательно, как хирург, вытирал руки пучком ветоши, а его упитанный товарищ озабоченно листал замусоленную тетрадку, щурясь от дыма «беломорины», прикушенной в уголку рта. За ухом у него торчала шариковая ручка, красная с белым.

Неверующе узнавая Кузьмича, председателя гаражного кооператива, я обморочно припал к воротам.

— А дядь Вова где? — добродушно выцедил пролетарий, зажимая папиросу желтыми зубами. — К-хм...

— Я за него... — слабо толкнулось от меня.

Кузьмич кивнул, жадно вбирая остаток вонючего синего дыма. Затушив окурочек, он раскрыл свой тощий грассбух.

— Сдаем на новый столб, по пятерке с бокса, — деловито проинформировал меня председатель, водя пальцем по списку. — Старый прогнил, того и гляди завалится. К-хм!

Я безропотно растался с синенькой бумажкой. Кузьмич одобрительно кивнул, выудил из-за уха ручку и дал мне расписаться в тетрадке, где в столбик пыжились закорючки соседей по гаражу.

— Кто там еще? — поинтересовался Емеля-дурочок, заглядывая председателю через плечо.

— «Санька-Ванька», кразист наш... Пошли скорее, а то ему на смену.

Оставшись один, я уже не запирался — распахнул ворота бокса настежь. Пускай страхи выветрятся...

Тот же день, позже

Рим, проспект Бруно Буоцци

— Хорошо устроились ребята, — лениво молвил Аглауко Мути, глядя на роскошные особняки, теснившиеся вдоль пустынного проспекта. Каннелированные мраморные колонны, пышные лестницы, уставленные статуями, узорные кованые решетки... Торговый ряд на ярмарке тщеславия.

Томаш Платек, осторожно вырубивая на старенькой «Джульетте»¹, покосился в сторону чернявого итальянца. Мути стал ему напарником года три назад и не раз выручал в сложные моменты, хотя люди они разного круга. Аглауко — простая душа, а вот он по-прежнему мучается с нажитым балластом потомственного варшавяка-интеллигента, вечно рефлексирова да комплексуя. Но есть и то, что связывает их с Мути крепче любого родства, — вера. Они оба ищут и находят Бога в мирских мелочах повседневной жизни.

— Красиво-о... — Длинно зевнул итальянец, потягиваясь. Его тонкие запястья выпростались из рукавов дешевого пиджака — контрастно сверкнули золотые запонки.

Платек насупил брови. «Альфа-Ромео» катился вдоль строя раскидистых платанов — их тени полосатили ветровое стекло, засты отблески с озера Альбано.

— Подъезжаем, — кинул Томаш, неодобрительно поглядывая на виллу Тревере, что завиднелась впереди, — огромный богатый домище, облюбованный «Опус Деи».

— Пошли? — кисло спросил он, выехав на стоянку в тени колоннад.

— Пошли! — Аглауко с ленцой вылез из машины и небрежно захлопнул дверцу. — Интере-есно... — протянул он. — Куда на этот раз?

— Скажут, — обронил Томаш, неторопливо одолевая парадную лестницу. Старый хлопотливый привратник ласково закивал гостям.

— Проходите в малую приемную, шеньор Мути, — прошамкал он. — Отец Хавьер скоро будет.

¹ Модель «Альфа-Ромео» выпуска 1961 года.

«Шеньор Мути» обернулся и хлопнул напарника по плечу.

— Погуляй! — сказал он со скользящей улыбкой.

— Помолюсь, — буркнул Платек.

Итальянец кивнул и уверенно зашагал высоким, светлым коридором, чьи стены были увешаны полотнами Караваджо, Серадине и Фетти, а в нишах хоронились бюсты цезарей. Затейливая мозаика пола, блестящая мутным зеркалом, отразила Аглауко, перевернутого вниз головой. Томаш незаметно потер каменные плитки ногой — да нет, не скользят. И двинулся к часовенке, стыдливо усмехаясь: как деревенщина, ей-богу...

Часовня Божией Матери — Звезды Восточной¹ укрыла его теплой, затхлой полутьмой. Огоньки свечей мерцали, бросая дрожащий отсвет на закопченные лики святых, спасая и сохраняя.

Платек радостно вздохнул, ощущая легчайший прилив ниспосланной благодати. Смежив веки и перебирая круглые холодные бусины четок, он зашептал короткую молитву:

— Иисус, Мария и Иосиф, я отдаю вам сердце и душу...

Стояла тишина, как в глубокой пещере. Вечность, парившая под неразличимыми сводами часовни, внимала горячему, сбивчивому шепоту — и скупко оделяла душевным покоем.

Просветленный, Томаш выбрался на свежий воздух — по коридору гуляли сквозняки, остужая мисти-

¹ В 1955 году Хосемария Эскрива де Балагер, основатель «Опус Деи», сложил краткую молитву: Sancta Maria, Stella Orientis, filios tuos adjuva! («Святая Мария, Звезда Восточная, помоги детям твоим!») — Божией Матери: Звезде Восточной он «доверил» народы России и Восточной Европы.

ческий жар. Бездумно вода взглядом по неказистым, топорным византийским статуям из порфира, похожего на окаменевший гречишный мед, Платек забрел в Изумрудную гостиную.

Полы в обширной комнате сверкали зеленым пиренейским мрамором, преломляясь в настенных зеркалах, а камин был отделан малахитом с Урала — яркого, сочного цвета молодой травы. Тяжелые шторы в тон отделке закрывали складками узкие стрельчатые окна — за ними виднелись дальний склон холма, курчавый от зарослей, да терракотовые башни и купола Капель-Гандольфо на фоне синего неба.

В зазеркалье мелькнуло темное, вечно недовольное лицо с розовым шрамом на щеке. Брезгливо морщась нос, Томаш отвернулся к окну, лишь бы не видеть отражения.

Неуклюже пришатнувшись, он задел штору, и та скользнула по спине, заботливо скрывая гостя. Поляк слабо улыбнулся, следуя за ассоциацией. На ум пришли давние детские шалости. Малышом он ходил с дедом в костёл — и смертельно скучал, выслушивая нудную латынь. Чтобы не заснуть, маленький Томек играл в жмурки, прячась за пыльными портьерами из жесткой парчи...

Лишь теперь далекие голоса проникли в сознание. Выныривая из «омута памяти», Платек обернулся, путаясь в шторе. В гостиную вошел сам Альваро дель Портильо. Томаш чуть не пересекся глазами с зорким, внимательным взглядом генерального председателя «Опус Деи». Строгая черная сутана с крылаткой, затянутая вишневого цвета кушаком, придавала отцу Альваро вид доброго, но требовательного духовника.

— Не совсем понимаю, ваше высокопреосвященство, — заговорил дель Портильо кротким, но сильным